УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 48, № 5. С. 24–31 2026
Научная статья Русский язык. Языки народов России
DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1331
EDN: AGKCOD
УДК 811.511.131

ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ ЕЛЫШЕВ
аспирант
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук»
ассистент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики
Удмуртский государственный университет
(Ижевск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0009-3482-5944; elyschev.vladimir2016@yandex.ru

ГОВОРЫ ДЕРЕВЕНЬ БАННОЕ, КАТЫШИ И ЧЕРНЫЙ КЛЮЧ В ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА (на материале фонетики)

Аннотация. Анализируется фонетическая система говоров деревень Банное Завьяловского района, Катыши и Черный Ключ Воткинского района Удмуртской Республики с целью определения их статуса в диалектном пространстве удмуртского языка. Актуальность работы обусловлена пограничным положением данных идиомов между ареалами среднеижских и средневосточных говоров, что требует уточнения границ распространения исследуемых диалектных групп. Кроме того, в настоящее время наблюдается процесс нивелировки лингвистических особенностей удмуртских диалектов, поэтому важной задачей становится работа по фиксации диалектного материала для проведения исследований диахронического характера. В процессе научного изыскания было установлено, что диалекты населенных пунктов Банное и Катыши характеризуются сходством фонетической структуры со среднеижскими говорами удмуртского языка, тогда как речь жителей деревни Черный Ключ обнаруживает признаки принадлежности к средневосточной группе диалектов.

Ключевые слова: удмуртский язык, среднеижские говоры удмуртского языка, средневосточные говоры удмуртского языка, фонетические особенности

Для цитирования: Елышев В. В. Говоры деревень Банное, Катыши и Черный Ключ в диалектной системе удмуртского языка (на материале фонетики) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 24–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1331

ВВЕДЕНИЕ

Удмуртская диалектология на протяжении своего развития уделяла особое внимание изучению говоров и диалектов. На сегодняшний день наиболее исследованным является северноудмуртское наречие, особенности которого освещены в четырех монографиях Л. Л. Карповой[1] [3], [4], [5]. Несмотря на достигнутые результаты, большинство диалектов и говоров удмуртского языка по-прежнему не получили системного описания. К числу таких относятся и срединные говоры. На данный момент из пяти срединных говоров удмуртского языка (среднезападный, средневосточный, водзимоньинско-омгинский, нылгинский, среднеижский [8: 43–44]), расположенных на довольно обширной территории Удмуртской Республики, фрагментарно исследованы лишь средневосточные[2] и прикильмезские (среднезападные) говоры[3]. Среднеижские говоры становятся объектом исследования лишь в последние годы [2].

Ареал распространения среднеижских говоров охватывает Завьяловский, северную часть Малопургинского и юго-восточную часть Воткинского районов Удмуртской Республики [8: 47]. Данная классификация носит условный характер, так как в удмуртской диалектологии отсутствуют работы, содержащие научное обоснование границ указанных говоров. Все эти факторы обуславливают актуальность нашего исследования.

В данной работе остановимся на рассмотрении фонетической системы говоров деревень Банное Завьяловского района, а также Катыши и Черный Ключ Воткинского района Удмуртской Республики. Выбор этих населенных пунктов обусловлен их приграничным положением между ареалами среднеижских и средневосточных говоров. Решение вопроса диалектной принадлежности исследуемых говоров в дальнейшем позволит четко очертить границы соответствующих диалектных ареалов.

© Елышев В. В., 2026

Источником исследования послужили записи, собранные во время полевых экспедиций 2025 года в деревнях Банное (информанты: А. Н. Гаврилова 1946 г. р.; Н. Ф. Ефремов 1951 г. р.; Л. П. Никитина 1953 г. р.), Катыши (информанты: В. Р. Евсеев 1954 г. р.; В. Л. Леонтьев 1959 г. р.; А. А. Петров 1954 г. р.; Ф. П. Петрова 1957 г. р.) и Черный Ключ (информанты: Г. И. Перевощикова 1945 г. р.; Е. Е. Перевощикова 1960 г. р.; В. В. Широбокова 1962 г. р.; Л. А. Широбокова 1962 г. р.). Все языковые материалы, используемые в исследовании, публикуются с согласия информантов.

ВОКАЛИЗМ

В вокалической системе исследуемых нами говоров функционируют семь гласных: *и*, *ы*, *у*, *э*, *ӧ*, *о*, *а*. Представленные фонемы акустически и артикуляционно идентичны системе фонем литературного удмуртского языка. Рассматриваемый строй гласных в целом характерен для всех срединных говоров, а также представлен в нижнечепецком и верхнечепецком диалектах северноудмуртского наречия [3: 89–90].

Лингвистическая система, свойственная носителям говоров деревень Банное, Катыши и Черный Ключ, при предварительном рассмотрении обладает сходной структурой, но вместе с тем в каждом из них присутствуют ярко выраженные уникальные черты. Далее остановимся на рассмотрении наиболее ярких лингвистических явлений, присутствующих в описываемых нами говорах.

1. Корреспонденция гласных – одно из самых частых фонетических явлений в изучаемых говорах. К числу регулярных междиалектных соответствий в исследуемом ареале относятся следующие типы:

1.1. Корреспонденция гласных южн. *ы* // сев. *и*. В большинстве срединных говоров, а также в среднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия удмуртского языка после велярного согласного, а также перед согласными *ш* (*ӵ*), *ж* или после них употребляется гласный *и*, в то время как в южной диалектной зоне в данной позиции выступает фонема *ы*: сев., черн. *гинэ* // южн., бан., кат. *гынэ* ‘только, лишь’; сев., бан., кат., черн. *иш(ӵ)ка* // южн. *ышка* ‘рвать, дергать’; сев., бан., черн. *жил′ы* // южн. кат. *жыл′ы* ‘цепь’.

Данный тип корреспонденции в среднеижских говорах носит вариативный характер, поскольку в них функционируют формы, характерные как для северных (*жил′ы* ‘цепь’, *жингыртэ* ‘звенит’), так и для южных (*гынэ* ‘лишь’, *ыӵкыны* ‘рвать, дергать’) диалектных систем. Средневосточные говоры по своим характеристикам больше тяготеют к северному наречию (*гинэ* ‘лишь’, *ишкыны* ‘рвать, дергать’).

Согласно гипотезе В. К. Кельмакова, междиалектное соответствие гласных *ы* // *и* (// *ь*) представляет собой рефлекс праудмуртской фонемы **ə,* утрата которой привела к диалектному расхождению: в северном языковом пространстве фонема заместилась гласным *ы*, в южном – *и*, в южных закамских говорах спорадически сохранилась в исходном виде [7: 157].

1.2. Корреспонденция южн. *и* // сев. *ы*. В северных диалектах удмуртского языка перед палатальными согласными корневых морфем употребляется гласный *ы*, в то время как в южных диалектах в этой же позиции функционирует гласный *и*. В исследуемых нами говорах данное явление представлено следующим образом: сев., черн. *выл′* // южн. бан., кат., *вил′* ‘новый’; сев. черн., кат., бан. *ыз′ы*// южн. *из′ы* ‘шапка’; сев. черн., кат., бан. *быз′э* // южн. *биз′э* ‘бежит, выходит замуж’.

Данный тип корреспонденции в корневых морфемах в срединных говорах довольно неоднороден. В частности, в среднеижских говорах для речи диалектоносителей молодого и среднего возраста более характерным является северный вариант – *выл′* ‘новый’, что обусловлено, скорее всего, влиянием литературного языка. В то же время в речи старшего поколения чаще фиксируется южный тип – *вил′* ‘новый’.

Рассматриваемое фонетическое явление также проявляется в следующих суффиксальных морфемах и, на наш взгляд, с точки зрения территориального распространения имеет более последовательный характер:

а) показатель элатива: сев., черн., кат. *-ыс′* // южн., бан. *-ис′*:

бан. *н′ыл′ нылйос, соос н′ыл′ эшйос вылил′л′ам тати, сопа·л* ***ул′чаис′*** ‘Четыре девочки, четыре подружки, они были здесь, из той улицы’; кат. *ба·шн′а пуктизы и чылкыт ву, а то пудо-животлы ву* ***шурыс′*** *тупты-ло вал.* ‘Башню поставили и чистая вода (появилась), а то скотине воду из речки поднимали’; черн. *чай* ***отыс′*** *ик,* ***шур дурыс′*** *ик, м′′ата да мар завариват′то·, души·цца.* ‘Чай **там же**, **около** речки, мяту да что заваривали, душицу’.

Помимо суффикса *-ис′*, для говора деревни Банное также характерно употребление элатива на *-ыс′*:

бан. ***клубыс′*** *потком кэ дак, милам* ***гуртис′*** *пиосмы ик шуо вал: «кы·рӟалэ, нылйос».* ‘Из клуба если выходили дак, мальчики из нашей деревни говорили: «Пойте, девочки»’; бан. *качи кутэ вал, сӧрэ жӧк* ***сэргыс′*** *таӟы вуэн марым карэ· вал, кыскэ· вал.* ‘Брала ножницы, потом водой **из угла** стола так это делала, тянула’.

Аналогичное непоследовательное функционирование суффикса элатива наблюдается в говоре деревни Катыши, где под ассимилятивным влиянием согласного *-й-* последующий гласный *-ы-* переходит в *-и-*:

кат. *аз'ло с'эрмэт надо, в пэ·рвуйу о·чэрэт'* ***кол'ышнойис'*** *поттыны, гидазбарыс'-а там.* ‘В начале уздечку надо, в первую очередь, чтобы **из хлева** вывести или из двора там’;

б) суффикс эгрессива:

сев., кат., черн. *-ыс'эн* // южн., бан. *-ис'эн*: бан. *куин'* ***арэсис'эн****, мамээ таччы быз'эм.* ‘С **трех лет** (живу здесь), мама сюда вышла замуж’; кат. *пуныйыр та* ***кыд'окыс'эн*** *пра·к сыӵэ пунылэн мыгорыс кад' аткэ част'и·чно, а чэ·рэз промэжу·ток како·й то йыр кад' ини –* ***кыд'окыс'эн*** *учкыса оӟы.* ‘(Лес) Пуныйыр (букв. Собачья голова) **издалека** прямо как тело собаки выглядит, а если уйти подальше (букв. через промежуток), как голова уже – если смотреть издалека так’; черн. *собэрэ гурт* ***пумысэн*** *машинэ· пукс'э, и тан'и· ал'и лыктыкуды гурэӟ уга татын вал, вот оччы обэза·т'эл'но-обэза·т'эл'но вэкчи кон'дон куйан солдат туба вал.* ‘Потом в конце деревни (букв. **с конца**) садится в машину, и вот, когда вы ехали, был же там холм, вот туда обязательно-обязательно мелкие деньги солдат бросать поднимался’.

Корреспонденции южн. *и* // сев. *ы* также подвержены конечные гласные основ перед суффиксальными морфемами:

а) в исследуемых нами говорах под воздействием согласного *-й-*, элемента суффикса иллатива *-йэ*, предшествующий ему корневой гласный звук *-ы-* подвергается регрессивной ассимиляции:

бан. *и картошка бакчэ уг мэртто вылэм –* ***бусийэ*** ‘И картошку в огород не садили – на поле’; кат. *сийэс* ***чыртийас*** *через голову дисало.* ‘Хомут **на шею** через голову надевают’; черн. ***чыртиазы*** *марым поно вал, ӧуӵкон.* ‘**На шею** это вешали, полотенце’;

б) трансформации подвергается конечный гласный *ы* основы перед суффиксом местного падежа *-ын* под ассимилятивным влиянием гласного *-й-*:

бан. *шыт пӧс'то вал* ***пурти^{й}ын,*** *жук пӧс'то вал.* ‘Суп варили **в котелке**, кашу варили’; кат. ***буси^{й}ын*** *будэ вал, пэшн'а·-а ма·р-а шуо, кӯака мул'ы мил'ам шуо вал, вот сойэ бичаса пирошки· но пӧрало вал.* ‘**На поле** рос, пешня что ли называли, куакамульы (морошка) у нас называли, вот его собирали и пирожки стряпали’; черн. *гуртын вочко, со чэскыт ӧвӧ·лы,* ***бусыын*** *кад' ӧвӧлы.* ‘Дома держу (душицу), она не вкусная, не как **на поле**’.

В говоре деревни Черный Ключ также зафиксированы случаи перехода гласного *-ы-* в гласный *-и-* под ассимилятивным влиянием согласного *-й-* так, что показатель местного падежа имеет маркер *-ин*:

черн. *баӟӟым* ***бакча^{й}ин****, отэ, трос картошка ук.* ‘**В** большом **огороде** ведь много картошки’; черн. *пудо* ***фэрма^{й}и·н*** *мында вордим, сил'тэк ӧм йормэ.* ‘Скотину как **на ферме** держали, без мяса не страдали’.

Появление корреспонденции *и* // *ы* как в корневых, так и в служебных морфемах В. К. Кельмаков объясняет палатализирующим воздействием последующего согласного на первичное *-ы-*. По мнению ученого, процесс *ы* > *и* предположительно имел место в XVI веке [7: 159–160].

Говоры деревень Катыши и Черный Ключ тяготеют к шарканскому говору средневосточных говоров, для которого характерно преобладание суффикса *-ыс'*. В то же время говор деревни Банное, где в большей степени наблюдается употребление суффикса *-ис'*, примыкает к среднеижским говорам удмуртского языка.

1.3. Корреспонденция *у* // *ы* в говорах деревень Банное, Катыши и Черный Ключ наблюдается в деепричастиях, где вместо литературного и северноудмуртского *-ку* функционирует *-кы*, характерное для южных диалектов и срединных говоров:

бан. *отис'* ***бэртыкызы****, сыӵэ турым отын ӝужыт луэ вал, мон ай бэрло марцас'кыны вэтли но, это, тоди ни турым ӝужӝыт шуса, и со кышноос дото кырӟаса бэрто вал.* ‘**Возвращаясь** оттуда (из поля), там такая высокая трава была, я позже ходила сгребать сено и, это, узнала, что трава такая высокая, и эти девушки, так красиво запевая, шли’; кат. *ти·ни оти ван',* ***пыркы*** *д'эрэ·вн'э и тан'тати ван'.* ‘Вот там есть, заезжая в деревню, и здесь есть (речка)’; черн. *мон со гынсапэгзэ* ***зиртыкым****,* ***куштыкым*** *ачим йыруллан' уси.* ‘**Снимая**, **снимая** валенок, я сама головой вниз упала’.

По мнению Д. В. Бубриха, суффикс деепричастия *-кы* является первичным и берет свое начало от допермской формы *-(ы)кы-к*: *вэтлыкы-к* ‘во время хождения’. Деепричастия на *-ку* исследователь относит к более позднему образованию, связывая их появление воздействием вопросительного слова *ку?* ‘когда?’, например, *вэтлыку* ‘во время хождения’ [1: 70]. Данной точки зрения также придерживается Б. А. Серебренников [9: 302].

В. К. Кельмаков возводит корреспонденцию *у* // *ы* к рефлексу праудмуртского гласного **и*, который отражается в современных диалектах тремя фонемами: *ы (ъ)*, *у*, *ӱ* [7: 157].

2. Синкопа – выпадение звука или группы звуков внутри слова[4]. В исследуемых нами говорах синкопе подвергаются следующие фонемы и их комбинации:

2.1. Выпадение группы звуков на *-ис'* наблюдается в показателе настоящего времени *-ис'ко* / *-с'ко* глагола I и II лица единственного и множе-

ственного числа как в утвердительных, так и отрицательных формах:

бан. *губианы* ***вэтком****, ал'и но вэтком.* ‘За грибами **ходим**, и сейчас ходим’; бан. *с'эмон* ***шуком****, сыӵэ ик куат'туш кад' ик тӧд'ыэс' соос.* ‘Семон **называем**, они такие же, как пескари, белые’; кат. *тулыс ай нӧдгэс – коркан* ***пукком*** *да мар да.* ‘Весной еще грязно – дома **сидим** да что да’; кат. ***бэртком*** *ини, валйосты то ваз'гэс вайо, в часоф, мо·жэт, п''ат'-шэс''.* ‘**Возвращаемся** уже, лошадей-то раньше пригоняли, в часов, может, пять-шесть’; черн. *ой, вот созэ* ***ук то·ткы****.* ‘Ой, а вот это **не знаю**’; *ал'и вит' арлы окпол* ***карком*** *ини со гу·л'бищэмэс.* ‘Сейчас раз в пять лет **проводим** гульбище’.

Как показывают наши наблюдения, форма настоящего времени глаголов может функционировать в исследуемом нами ареале как с маркером *-ко* (см. выше), так и *-ис'ко / -с'ко.* Последняя чаще используется в говоре деревни Черный Ключ, что указывает на его близость со средневосточными говорами, спорадически – в деревне Банное, что позволяет относить данный говор к среднеижским:

бан. *чи·жикэн но мар но* ***шудис'ком*** *вал, мэӟӝарэмэн но шудис'ком.* ‘В чижики да что **играли**, в лапту играли’; черн. *т'эсто· н'ан'лы марым карком вал,* ***чырсатис'комы*** *вал, а то йумал н'ан' вэт' со чэскыт ӧвӧл.* ‘Тесто для хлеба **квасили**, а то хлеб из недостаточно прокисшего теста ведь невкусный’.

В большинстве срединных говоров удмуртского языка распространено явление, при котором для обозначения настоящего времени в глаголах I спряжения I и II лица с односложной основой используется лишь суффикс *-к*: *с'и-к-о* ‘ем’, *йу-к-о-д* ‘пьешь’, *пук-к-о* ‘стою’, *сыл-к-о-д* ‘стоишь’. Данный вопрос требует более детального исследования с привлечением материала из финно-угорских языков.

2.2. Наиболее частому выпадению подвергается гласный звук *-ы-* в следующих случаях:

а) в инфинитивных формах глагола I спряжения:

бан. *туш кэма, это, дис'тил'л'амтэ* ***мынны*** *воткинскэ· но, ижэфскэ· но.* ‘Очень долго, это, не отваживались **идти** ни в Воткинск, ни в Ижевск’; кат. *сил' тушасы· кирос, пэ, пуртэн карком вал – соос, пэ,* ***вырны*** *кутко вал.* ‘На мясные туши крест, говорит, ножом делали – они, говорит, **двигаться** начинали’; черн. *скалйос ӧвӧл ни чӧжыэн табан'* ***с'ины****.* ‘Коров уже нет, чтобы с молозивом табани **есть**’.

Подобное явление в целом характерно для срединных говоров удмуртского языка, а также встречается в верхнечепецком диалекте северноудмуртского наречия [6: 464];

б) перед суффиксом деепричастий на *-са*, *-тэк* и *-кы* (*-ку*), образованных от глаголов I спряжения:

бан. *эшйос то* ***шутса*** *вэтло, ки·нлэн ӧвӧл ӟаӟэгэс, а тон ӟаӟэг отын воз'мас'код.* ‘Друзья-то **играя** ходят, у кого нет гусей, а ты там гусей сторожишь’; бан. *со вэсь ужантиыс'* ***бэрткыс*** *марым карэ вал, шоколад вайылэ вал озы.* ‘Он всегда, **возвращаясь** с работы, это делал, шоколад приносил так’; кат. *малы-о калыкэн* ***кэрэтса*** *улод?* ‘Почему же с народом **ссорясь** жить?’; кат. *куин' кычпуос сыло баӟӟымэс', чэбэрэс', с'урэс дурын дак, о-о-й, д'эрэ·вн'э* ***пыркы*** *ик.* ‘Три березы стоят большие, красивые у дороги, дак, ой, **при входе** в деревню’; кат. *н'улэскы* ***мынтэк*** *ук чидас'кы.* ‘Не могу усидеть, **не сходив** в лес’; черн. *и солэс' пэпэ· пыжо вал ин табан'* ***карса****.* ‘И из него (мерзлой картошки), **сделав** лепешки, пекли пепе (лепешки)’.

В говоре деревни Черный Ключ встречаются примеры, когда гласный *-ы-* сохраняется:

черн. *сэрэ куч сюрэсэ но* ***потыкызы*** *со сылалэз йыразы пи·чийак понкот.* ‘Потом **при выходе** в дальнюю дорогу эту соль на голову немножко кладешь’; черн. *табан'* ***пыжыкызы*** *мурйозэс пыццан но шэт'то вал.* ‘**Когда пекли** табани, дымоход даже закрывали’; черн. *йэн луэтэк-а?* ‘Как же не являясь (приносящим) пользы?’.

2.3. Выпадение гласного *-о-* происходит в суффиксе множественного числа существительных *-ос* в говоре деревни Черный Ключ и Катыши:

черн. *ал'и ӧвӧл ни руской* ***пэчка·с*** *но, трос ик ӧвӧл ни.* ‘Сейчас уже нет русских **печек**, немного уже’; черн. *обэдэ бусыосын кыскис'ком вал, бусыын обэдэ, машинэн нуо вал* ***фл'агасы·н*** *но.* ‘В обед на поле доили, на поле в обед, на машине везли вместе с **флягами** дак’; черн. *ма мон йуай вал* ***книгассэс*** *но* ***вну·чкасызлэс'****, ос с'отэ.* ‘Да я спрашивала **книги** у их **внучек**, не дали’; черн. *ныры с' чи·сто макэн паӟал'л'ало вал* ***коркасты****.* ‘Раньше всё маком посыпали **дома**’; кат. *пудо но ум во·рдис'кэ ни,* ***бакчассэс*** *но уг ни· турнало ни.* ‘И скотину уже не держим, и **огороды** уже не косят’; кат. *йӧл выламы нуллис'ком вэд' вал* ***вэдрасын*** ‘Молоко на себе носили ведь **в ведрах**’; кат. *сыӵэ·* ***фэрмасмы*** *вал – сэрттизы.* ‘Такие **фермы** у нас были – разобрали’.

2.4. Выпадение конечного гласного *-а-* основы слова наблюдается в следующих случаях:

а) во всех исследуемых нами говорах у существительных единственного числа с конечной гласной основы на *-а* наблюдается выпадение данного звука перед суффиксом винительного падежа *-(й)эз*:

черн. *ну макэн озы паӟан косо ук* ***коркэ·с*** *кулэм мурт бэрэ.* ‘Ну маком заставляют посыпать дом после покойника’; черн. ***пичи бакчэс*** *фс''о коразы·, чи·ст'ит' каризы· и оччы картошка· мэрттизы·* ‘Маленький огород (сад) весь срубили, почистили и туда картошку посадили’; черн. *сэрэ* ***сы·вороткэс*** *кыл'э кэ, марымйослы, ола·д'йослы но ко·т'малы мынэ.* ‘Если сыворотка остается, на это, оладьи и на все идет’; бан. *та* ***ул'чэз*** *шуо вал покшурс'эр, зна·чит пичи шур с'эрын ул'ча.* ‘Эту улицу называли покшурсер, значит улица за маленькой речкой’; кат. *кыз'ы-о шуот, марымэс,* ***кочэгаркэ·с*** *пушкытиз обд'элыват'тис'ко.* ‘Как сказать,

это, в **кочегарке** (букв. **кочегарку**) изнутри отделку делаю’;

б) для говоров деревень Катыши и Черный Ключ характерно выпадение конечного гласного *-а-* основы слова перед суффиксом творительного падежа *-(й)эн*:

черн. *то* ***книгэ·н****, то вот гынсапэг зырйас'ком ва* ‘То книгами, то вот валенки кидали’; черн. *ма* ***краскэ·н*** *кӧчэ кэ, то эгырэз гурыс' куткод но, баӟӟын гур эстыкы отын чын потэ ук.* ‘Ну красками какими-то, то берешь из печки золу, когда топили большую печку, оттуда ведь дым шел’; черн. *силос* ***ваннэ·н*** *нуллис'ком вал, тазэ·н* ‘Силос **с ванной** носили, с тазом’. кат. *собэрэ валэктил'л'ам:* ***«иконэн*** *йуртйэр котыртид орччы дак».* ‘Потом объяснили: «Пройди **с иконой** вокруг дома дак»’; кат. ***машинэ·н*** *та ваццы дугдо вал, и л'укас'ком.* ‘На машине (букв. **с машиной**) останавливались напротив этого, и мы складывали’; кат. *сил'ын но мо·жно сины,* ***кубыстэн*** *но мо·жно с'ины, но мынам пиналл'осы бо·л'шэ губиэн йарато но, губиэн пышко.* ‘И с мясом можно есть, и **с капустой** можно есть, но раз мои дети больше с грибами любят, с грибами пеку’;

в) выпадение конечного корневого гласного *-а-* перед суффиксом иллатива *-(й)э* наблюдается во всех описываемых нами говорах:

черн. ***фэрмэ****, пэтна·цэт' л'эт тырмиз йанварэ, и* ***фэрмэ*** *искал кыскыны вас'ки.* ‘На ферму, пятнадцать лет исполнилось в январе, и на ферму коров доить спустилась’; бан. *дак со* ***школэ*** *но мил'ам ӧвӧл вэтлэмын.* ‘Дак он у нас в школу даже не ходил’; кат. *марымэ но вэтли, пӧс'тыны нуллизы оти,* ***пихто·фкэ*** *вал.* ‘И туда ходил, варить возили туда, в **Пихтовку**’.

Подобные явления (см. а, в) нами зафиксированы в говоре села Норья Малопургинского района Удмуртской Республики, входящего в ареал среднеижских говоров: нор. *солэн* ***гра·мотэз*** *ӧй вал.* ‘У него грамоты не было (был безграмотным)’; нор. *москвэ со вэтса дис'кут бас'йа вылэм.* ‘В Москву ездив, он одежду покупал’.

3. Апакопа – отпадение конечного безударного гласного *-ы*, элемента суффикса инфинитива глаголов I и II спряжения, наблюдается в говоре деревни Черный Ключ:

черн. *ми вэтком вал сиз'ыл картошка* ***октын****.* ‘Мы ходили осенью картошку **собирать**’; черн. ***л'укан*** *выркод сойэ, штоп чи·сто ро·вно мэд луос.* ‘Сложить стараешься их, чтобы все ровно было’; черн. *дорат, пэ, вуом* ***йуал'л'ас'кын****.* ‘К тебе придем, говорят, **поспрашивать**’; черн. *пэтро'в д'эн' бэрэгэс* ***турнан*** *кутко вал ин, двэна·ццэтой ийул' бэрэгэс.* ‘Примерно после Петрова дня начинали **косить**, примерно после двенадцатого июля’; *армийэ· кэл'ам бэрэ но уг лэ·з'о пол* ***мис'кын****.* ‘После проводов в армию тоже не разрешают полы **мыть**’.

Данное явление характерно для средневосточных говоров удмуртского языка и встречается, например, в говоре деревни Кенеровай Якшур-Бодьинского района: *сос с'ис'кил'л'ам но* ***ӵыдэткын*** *полат'азы тубил'л'ам.* ‘Они покушали и отдохнуть на полати залезли’.

4. Для говоров деревень Банное и Катыши характерна прогрессивная ассимиляция, при которой гласный *-о-* в суффиксе множественного числа *-ос* уподобляется предшествующему гласному *-а-* основы слова:

бан. *со цэрко·вной* ***книгаасын*** *гожйамын дак, как вро·д'э толон гожйамын, сыӵэ· чэбэр.* ‘И в этих церковных книгах так написано, как вроде вчера писали, так красиво’; *бан. корт* ***лопаткаас*** *вылил'л'амтэ, пу лопаткээн музйэмэс, пэ, ум быгаткэ вал копаны – ӧжыт нэ.* ‘Железных лопат не было, деревянной лопатой, говорят, не могли копать – только немного’; бан. *аз'лон жэ потолокйосты мис'ко вал, л'акэмын* ***коркаас*** *ӧй вал.* ‘Раньше потолки мыли, дома не были обклеены’; кат. *кӯат' штука ини мынам вну·чка,* ***пра·внучкаасы****.* ‘У меня уже шесть внучек, **правнучек**’; кат. ***скаскаас*** *лопшо пэдун' туж умой вэра вал радиоы·н.* ‘**Сказки** Лопшо Педунь хорошо рассказывал по радио’.

Подобные примеры, описывающие это явление, приведены С. К. Бушмакиным при описании средневосточных говоров: як.-бод. *korkaas* ‘дома’, *partaas* ‘парты’[5].

Как уже отмечалось выше, для говора деревни Катыши также характерна синкопа гласного *-а-* основы перед суффиксом множественного числа *-ос*: черн. *ал'и ӧвӧл ни руской* ***пэчка·с*** *но, трос ик ӧвӧл ни.* ‘Сейчас уже нет русских **печек**, немного уже’ (см. 2.3).

5. Особенность говора деревни Черный Ключ проявляется в функционировании этимологического конечного гласного *-ы* в ряде вспомогательных глаголов:

черн. мынам аслам ба·бушкэ оӟы ***шуэ валы****.* ‘Моя бабушка так **говорила было**’; *черн. пумис'кис'кот кэ одиг мэстаы·н, вот сокы то·жэ* ***умой ӧвӧ·лы*** *шуо.* ‘Если встречаешься на одном и том же месте, это **не есть хорошо**, говорят’; черн. *аз'ло вэт' пэсо·к трос* ***ӧй ва·лы****.* ‘Раньше же сахара много **не было**’.

Подобные явления в среднеижских говорах не зафиксированы, но имеют место в среднезападных, например, в говоре деревни Суроново Шарканского района Удмуртии: *монэ с'иыны тон эн ма·лпа, / мон* ***тынад ӧвӧлы*** *кырныж.* ‘Ты есть меня не вздумай, я **не твоя**, ворон’.

КОНСОНАНТИЗМ

Консонантная система исследуемых нами говоров представлена 30 фонемами: *б, в, г, д, д', ж, ӟ, з, з', ӟ, й, к, л, л' м, н, н', п, р, с, с', т, т', ф, х, ц, ч, ӵ, ш, щ.* Фонетические явления в области согласных в описываемой диалектной зоне в целом имеют схожий характер, но наряду с этим обладают некоторыми, на наш взгляд, существенными различиями.

1. Выпадение элемента *-с-* суффикса возвратного залога глагола *-ськ(ы)-* / *-ск(ы)-* характерно для всех описываемых нами говоров:

бан. *йул'скойы·н* ***дышэтким***. ‘В Июльском **учились’**; бан. *д'эвэно·сто вос''мо·м-а ма·р-а цэхмэс сойд'эн'ат'тыны·* ***куткизы***. ‘В девяносто восьмом, что ли, цех **начали** объединять’; кат. *шуккис'код,* ***йэткис'код****, оӟы йанакэ шуккыса кошкис'кот сэбрэ.* ‘Забиваешь, прикасаешься, и так, прибив (ленту), уходишь потом’; кат. *ну д'эрэвн'а·н тылйос фс''оравно* ***аткыны*** *должны.* ‘Ну в деревне свет все равно **видеться** должен’; черн. *мон макэ кӯал'экйан* ***куткис'ко*** *ин.* ‘Я что-то дрожать уже начинаю’; черн. *вос''мил'э·тка пуктизы вал но оӟы, сы·ӵэ у·ри-бэри* ***суткис*** *школамы.* ‘Восьмилетку было построили, так, быстро школа **сгорела**’.

2. Явления ассимиляции по способу образования зафиксированы в говорах деревень Банное и Катыши:

бан. *то·жэ татын улэмын-****ворккэмын*** *тан'и·* ‘Тоже вот здесь родился и **вырос**’; кат. *а баӟӟымйосыс прак бордам лыктыса* ***ӟигырккыса*** *но пуко со пинал'л'ос.* ‘А старшие прямо подходят ко мне, и даже обнявшись сидят эти дети’; кат. *нылйос сапэгйоссэс кушто вал забор вамэн, ку·дпала* ***бэрыккоз****, сопала быз'оз.* ‘Девочки валенки кидали через ворота, в какую сторону направится (букв. **повернется)**, туда и замуж выйдет’;

Ассимиляция по палатальности в исследуемых нами говорах не является распространенным явлением, и она зафиксирована только у двух информантов в одной лексеме:

кат. ***пинал'л'ос*** *тин'и· вэтлизы но, ӧвӧл ни, пэ.* ‘**Дети** ходили (за грибами) но, говорят, уже нет’; *аз'лон вопщэ·* ***пинал'л'оссы*** *трозгэс вал но, уло вал.* ‘Раньше вообще **детей** много было и жили’.

3. Процесс аффрикатизации представляет собой одно из наиболее устойчивых и широко распространенных фонетических явлений в срединных говорах удмуртского языка. Система удмуртских аффрикат, сложившаяся в пермскую эпоху [10: 40], представлена в современном удмуртском языке четырьмя аффрикатами, образующими коррелятивные пары по глухости / звонкости (**č* / **ǯ* и **č́* / ** ǯ́*) и велярности / палатальности (**č* / **č́* и **ǯ* / **ǯ́*). В праудмуртском языке аффрикаты функционировали во всех позициях слова [7: 285–286]. Как показывают наши ранние исследования, срединные говоры удмуртского языка до настоящего времени сохраняют данную фонетическую закономерность, где аффрикаты функционируют в анлаутной (*ӟаӟэг* ‘гусь’, *жуш* ‘желудок’, *ӵучкон* ‘полотенце’, *чонари* ‘паук’), инлаутной (*оӟы* ‘так’, *кочыш* ‘кот / кошка’, *кӧжьы* ‘горох’, *вачкала* ‘старинный’) и ауслаутной (*уж* ‘работа’, *ӟэч* ‘хороший’, *пукыч* ‘лук’, *ваӟ* ‘рано’) позициях [2: 232].

Т. Г. Аминофф, по-видимому, также обратил внимание на частое использование аффрикат носителями срединных говоров. В качестве доказательства автор приводит несколько примеров: *kudźo* ‘хозяин’, *vydžy* ‘корень’, *udž* ‘работа’ и др[6].

Следует отметить, что указанный процесс в большей степени характерен для носителей диалекта старшего поколения, так как функционирование аффрикат в речи молодежи отражает движение в сторону кодифицированного литературного стандарта.

Аффрикатизация в говорах деревень Банное, Катыши и Черный Ключ реализуется следующим образом:

1.1. Аффриката *ӟ* в исследуемом нами ареале выступает коррелятом щелевого *з′*, характерного для большинства северноудмуртских говоров в идентичных фонетических позициях:

бан. *эшйос-то шутса вэтло кинлэн ӧвӧл* ***ӟаӟэгэс****, а тон ӟаӟэг отын воз'мас'код.* ‘Друзья-то ходят играют, у кого нет **гусей**, а ты там гусей сторожишь’; кат. ***кыӟы·-о*** *ад'ами шоры* ***ваӟны*** *– умойэн-а, уродэн-а?* ‘Как ответить человеку – по-хорошему или по-плохому?’; черн. *тарэ гурт* ***пумоӟ*** *мынкомы, тани* ***таччыоӟ****, кэл'аса.* ‘Потом до конца деревни идем, вот досюда, провожая’;

1.2. Аффриката *ӵ* выступает в позициях, занимаемых щелевым *ш* в литературной норме и в северных диалектах:

бан. *баӟӟым* ***выӵкызы*** *вал, созэ тотко.* ‘Большая бочка была у них, это помню’; кат. ***ӵоӵ*** *за столо·м таӟы пукком, поттэ ин мэшокыс'тыс.* ‘**Вместе** за столом так сидим, и достает уже из мешка’; черн. *сэрэ от колохо·за ысто вал тун'эпс* ***ичкын*** *да ма.* ‘Потом от колхоза отправляли турнепс **выдергивать** да что’;

1.3. Также одной из характерных черт консонантизма описываемых нами говоров является противопоставление аффрикаты *ч* щелевому *с′*:

бан. *вуил'л'ам* ***воткинско·ч*** *по по·зими.* ‘Пришли до Воткинска по Позими’; кат. *аз'лон тас пинал дырйазы со* ***гурэч*** *куӟана курэкпус, пэ,* ***лэчком*** *вал питыратыса.* ‘Раньше, когда они молодыми были, по той **горке** яйца, говорит, **пускали**, скатывая’; черн. *а мон фс''оровно· ӧй ку·шты, три со·тки отын кэмалас′* ***вочком*** *ин.* ‘А я все равно не бросила, три сотки давно уже там **держим**’.

В среднеижских говорах в аналогичных лексемах используется аффриката *ӟ*:

сунд. *пыкйаса, пэ, ӧсэс* ***воӟко****, мэдас потэ таццы мон доры шуса.* ‘**Придерживаю** дверь, чтобы ко мне сюда не вышли’; сунд. *кышноэз, пэ, оццы* ***гурэӟ*** *йылэ с'ион пӧс'тыса кыл'э вылэм.* ‘Его жена туда на **гору** (букв. **на горе**) еду варить оставалась’; бур. *сэрэ сойэ йӧгуэ* ***лэӟком****.* ‘Потом это в погреб **спускаем**’;

1.4. Фонологическая система данных говоров также характеризуется противопоставлением аффрикаты *ӝ* и щелевого *ж*:

бан. *оти· со проу·лок мил'ам отын, оти* ***выӝ*** *вылти поткод чэрэз рэ·чку.* ‘Там вот проулок у нас, там по мосту через речку проходишь’; кат. *о дак,* ***уӝ*** *тырмэ.* ‘О дак, **работы** хватает’.

В говоре деревни Черный Ключ в аналогичных случаях функционирует щелевой *ж*:

заводын полтара· го·да ***ужай*** *но, сэрэ мужикмэ а·рмиэ кэл'амлэс' аз'ло пинал ваи кэ, вот гуртэ бэрти мамасы доры.* ‘На заводе полтора года **проработала**, потом раз родила до того, как мужа в армию проводила, вот домой к родителям вернулась’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ фонетической системы говоров деревень Банное, Катыши и Черный Ключ позволяет выделить в их диалектной системе особенности, с одной стороны, сближающие данные идиомы, с другой – свидетельствующие об уникальности каждого из них. Полученные результаты указывают на значительную близость фонетического строя говоров деревень Банное и Катыши, что позволяет объединить данные говоры в единый диалектный комплекс и отдельно выделить говор деревни Черный Ключ в рамках исследуемого ареала.

Совокупность наиболее ярко выраженных фонетических черт, например корреспонденция гласных *ы* // *и*: черн. *гинэ* // южн., бан., кат. *гынэ* ‘только, лишь’; показатель элатива на *-ыс'*: *шурыс'* ‘из речки’; апакопа гласного *-ы* в инфинитивных формах глагола: *октын* ‘собирать’; функционирование в ряде вспомогательных глаголов этимологического конечного гласного *-ы-*: *ӧй валы* ‘не было’, позволяет относить говор деревни Черный Ключ к группе средневосточных говоров удмуртского языка.

Говоры деревень Банное и Катыши по своим фонетическим характеристикам: корреспонденция гласных *ы* // *и*: черн. *гинэ* // южн., бан., кат. *гынэ* ‘только, лишь’; выпадение группы звуков на *-ис'* в показателе настоящего времени *-ис'ко / -с'ко* глагола I и II лица единственного и множественного числа *сико* ‘ем’, *пукком* ‘сидим’; выпадение гласного *-ы-* в инфинитивных формах глагола: *мынны* ‘идти’ – обнаруживают наибольшее сходство со среднеижскими говорами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
[2] Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: Дис. … канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 397 с. + [Приложение] 350 с.
[3] Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 1980. 16 с.
[4] Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
[5] Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка…
[6] Aminoff T. G. Votjakin äänne-ja muoto-opin luonnos // JSFOu. Helsinki, 1896. Vol. 14/2. P. 1–48.

СОКРАЩЕНИЯ

бан. – говор деревни Банное; бур. – говор деревни Бураново; кат. – говор деревни Катыши; сев. – северное наречие удмуртского языка; сунд. – говор деревни Сундуково; черн. – говор деревни Черный Ключ; южн. – южный диалект удмуртского языка; як.-бод. – говор села Якшур-Бодья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка: (сравнительно с коми языком). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 110 с.
2. Елышев В. В., Кондратьева Н. В. О некоторых фонетических особенностях сундуковского говора Малопургинского района Удмуртской Республики // Вестник угроведения. 2025. Т. 15, № 2 (61). С. 224–237. DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-2-224-237
3. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.
4. Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект / РАН, УрО, Удм. ин-т истории, яз. и лит. Ижевск, 2013. 600 с.
5. Карпова Л. [Л.] Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.
6. Карпова Л. Л. Фонетические маркеры верхнечепецкого диалекта удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17, № 4. С. 462–473. DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-462-473

7. Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 2 / Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 395 с.
8. Максимов С. А. Комментарий к картам «Диалектное членение удмуртского языка» и «Принадлежность опорных пунктов к территориальным диалектам» // Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Останова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка: карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 42–48.
9. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 391 с.
10. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. 376 p.

Поступила в редакцию 24.11.2025; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Vladimir V. Elyshev, Postgraduate Student, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Assistant, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0009-3482-5944; elyschev.vladimir2016@yandex.ru

DIALECTS OF THE VILLAGES OF BANNOYE, KATYSHI, AND CHYORNY KLYUCH IN THE DIALECT SYSTEM OF THE UDMURT LANGUAGE (a phonetic study)

Abstract. The study examines the phonetic system of the dialects spoken in the villages of Bannoye (Zavyalovo District), Katyshi, and Chyorny Klyuch (Votkinsk District) to determine their status within the Udmurt dialect space. The relevance of the study stems from the borderline position of these dialect formations between the geographic areas of the Middle Izh and Middle Eastern subdialects, which requires a more precise delineation of the boundaries between these dialect groups. Furthermore, the linguistic features of Udmurt dialects are currently being eroded, making it important to document dialectal material for diachronic research. The study revealed that the dialects spoken in the villages of Bannoye and Katyshi are phonetically related to the Middle Izh subdialects of the Udmurt language, while the dialect of Cherny Klyuch is related to the Middle Eastern subdialects.

Keywords: Udmurt language, Middle Izh Udmurt dialects, Middle Eastern Udmurt dialects, phonetic features

For citation: Elyshev, V. V. Dialects of the villages of Bannoye, Katyshi, and Chyorny Klyuch in the dialect system of the Udmurt language (a phonetic study). *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2026;48(5):24–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1331

REFERENCES

1. Bubrikh, D. V. Historical phonetics of the Udmurt language: (compared with the Komi language). Izhevsk, 1948. 110 p. (In Russ.)
2. Elyshev, V. V., Kondratyeva, N. V. About some phonetic features of the Sundukovo subdialect of the Malopurginsky District of the Udmurt Republic. *Bulletin of Ugric Studies.* 2025;15(2(61)):224–237. DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-2-224-237 (In Russ.)
3. Karpova, L. L. Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status. Izhevsk, 2020. 563 p. (In Russ.)
4. Karpova, L. L. Vocabulary of the Northern dialect of the Udmurt language: the Middle Cheptsa dialect. Izhevsk, 2013. 600 p. (In Russ.)
5. Karpova, L. L. Phonetics and morphology of the Middle Cheptsa dialect of the Udmurt language. Tartu, 1997. 224 p. (In Russ.)
6. Karpova, L. L. Phonetic markers of the Upper Cheptsa dialect of the Udmurt language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023;17(4):462–473. DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-4-462-473 (In Russ.)
7. Kel'makov, V. K. Dialectal and historical phonetics of the Udmurt language. Part 2. Izhevsk, 2004. 395 p. (In Russ.)
8. Maksimov, S. A. Commentary on the maps "Dialectal division of the Udmurt language" and "Affiliation of support points to territorial dialects'. *Nasibullin, R. Sh., Maksimov, S. A., Semenov, V. G., Ostanova, G. V. The dialectological atlas of the Udmurt language: maps and commentary.* Izhevsk, 2009. Issue I. P. 42–48. (In Russ.)
9. Serebrennikov, B. A. Historical morphology of the Permian languages. Moscow, 1963. 391 p. (In Russ.)
10. Bartens, R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000. 376 p.

Received: 24 November 2025; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026